

Воспоминания о своей жизни Константин Эдуардович Циолковский написал в 1932—1935 годах, но печатаются они впервые.

В 1932 году к юбилею Константина Эдуардовича Циолковского готовился сборник его трудов. Для публикации в этом сборнике Константин Эдуардович и прислал часть автобиографии. Но, может быть, потому, что работа носила не научный, а чисто литературный характер, а может, и по другим причинам в юбилейный сборник 1933 года она не вошла. Несколько страниц из нее было напечатано в 1939 году, в сборнике Аэрофлота, ставшем уже библиографической редкостью.

Какова была дальнейшая судьба этой работы?

В библиографическом отделе Всесоюзной книжной палаты нам сообщили, что в картотеке печатных работ этот труд Циолковского не числится.

С 1932 года дела Константина Эдуардовича Циолковского в Москве вел его секретарь Георгий Ильич Солодков, сам занимающийся дирижаблестроением. Может быть, он нам сообщит что-либо?

Мы разыскали Георгия Ильича Солодкова. Сейчас он уже пенсионер, живет под Москвой, на станции Апрелевка.

Георгий Ильич охотно показал нам свой архив, где хранится много неопубликованных еще писем Константина Эдуардовича, его чертежи, схемы и... первый машинописный экземпляр работы «Моя жизнь», той самой, которую мы искали.

Бумага уже пожелтела от времени, но многочисленные пометки, вставки и поправки, сделанные рукой Константина Эдуардовича черной тушью и даже простым карандашом, видны отчетливо.

— А сам Константин Эдуардович так мне писал о своей работе,— говорит Георгий Ильич Солодков и роется в папке писем Циолковского.— Вот, нашел: «Моя автобиография — мягкотела и немного интимна...»

Мы попросили Георгия Ильича рассказать нам о своем знакомстве с К. Э. Циолковским.

— В моем трудовом списке образца 1930 года,— начал Георгий Ильич,— дочь Циолковского записала: «Зачислен на должность секретаря К. Э. Циолковского с представительством в Москве»,— а ее отец дописал: «С 29.11.32 г. Конст. Эд. Циолковский».

Запись заверена печатью Московского областного совета научных работников — бюро Калужского коллентива СНР.

По инициативе комсомольцев газет «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва» было созвано совещание изобретателей по дирижаблестроению. Избрали «шеф-бюро», меня выдвинули секретарем и командировали в Калугу ознакомиться, как живет и работает поборник воздухоплавания и межпланетных путешествий К. Э. Циолковский.

Едва я поднялся в светелку к Циолковским и сказал лишь первые слова приветствия, как сразу почувствовал себя в кругу своих близких родственников, у которых я просто долго не был. Никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Константином Эдуардовичем. Это был красивый мужчина, начинающий слегка полнеть, держался он просто, приветливо, без искусственной вежливости.

Так началась наша дружба. Я возвратился в Москву и, продолжая оставаться в должности секретаря Циолковского, вел с ним переписку.

В работе К. Э. Циолковского «Моя жизнь» мы, пожалуй, не найдем иных подробностей, которые заскрыли бы нам лабораторию мышления знаменитого ученого — отца русского звездоплавания. Но зато перед нами возникает обаятельный облик человека, скромного и терпеливого, застенчивого, но гордого, одержимого грандиозными научно-техническими идеями и упорного в их осуществлении.

К. Э. Циолковский. Фото инженера В. В. Асонова. 1928 год.

К. Э.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От одного до трех лет... Великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветник. Я со страхом поглядываю на великана... Думаю, что это был мой отец...

От 3 до 4 лет. Матери привозят письмо. Умер мой дедушка, ее отец. Мать рыдает. Я, глядя на нее, начинаю реветь. Меня шлепают и кладут спать. Дело было днем...

Я рассматриваю животных в книге. Фигура моржа почему-то меня устрашает, и я прячусь под стол...

Смотрю, как пишет отец... Нахожу, что это очень просто, и объявляю всем, что писать я умею...

5—6 лет. Не помню, кто показывал мне буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку...

Изумляла тележка на колесах, потому что от малейшего усилия приходила в движение. Ощущение радостное...

Такое же радостное ощущение я не могу забыть, когда в первый раз увидел воду в пруде. Занимало также жужжание вертушки в форточке.

Отец берет меня на руки, пляшет и припевает: тра-та-та. Особенного удовольствия при этом не чувствовал...

Игрушки были недорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их...

Семь, восемь лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился бегло читать... Была корь. Весна... Чувствовал восторг при выздоровлении...

Маленького меня очень любили родители и гости. Отец сажал на колени, тряс на них меня и приговаривал: еде, еде пана, а за паном хлоп, хлоп, хлоп, на конике гоп, гоп, гоп... Потом я часто то же повторял со своими детьми...

Прозвища я получал разные: «птица», «блаженный», «девочка»...

Матери мы не боялись, хотя она иногда и потреплет немного. Но отец внушал страх, хотя никогда маленьких не бил и не ругал. Никогда даже не горячился и не кричал...

Брат (старше меня на два года) показывает фокус: открывает рюмочку, в ней шарик. Закрывает рюмочку и опять открывает. Шарик исчезает. Изумление...

Семи, девяти лет. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на похороны. Мы остаемся одни. Скучаем...

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Случился отец. «Что такое?» «Попал мне в висок», — говорит

брат Митя... Выпорол. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух ударов. Отец был справедливый и гуманный человек. Как же это примирить? Время было такое. Отца в какой-то иезуитской школе порол чуть не каждый день, а случалось, и два раза в сутки. Меня же выпорол всего раз пять за всю жизнь...

...Мне очень было любопытно посмотреть, как лопаются ламповые стекла, если их помажешь слюной. Сначала прощали, а потом обещали порку. Но я опять за свое. Спасла тетка, купившая стекло...

Копали колодезь. Пока не появилась вода, мы все спускались в колодезь. Очень было любопытно... Навалили гору песку. Зимой образовалась прекрасная гора. Впервые испытал восторг катанья с горы на санках...

Летом строили шалаши. Было приятно вести свое хозяйство. Иногда устраивали и печи. Осенью топили и грелись. Свой камелек...

Ученье шло туго и мучительно, хотя я и был способен. Занималась с нами мать. Отец тоже делал педагогические попытки, но был нетерпелив и портил тем дело. Помню, принесли яблоко, проткнули спицей. Это изображало земной шар с осью. Рассердился учитель. Назвал всех болванами и ушел. Кто-то из нас съел яблоко...

Зададут на маленькой грифельной доске написать страничку-две. Даже тошнило от напряжения. Зато, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы...

Однажды мать объясняла мне деление целых чисел. Не мог понять и слушал безучастно. Рассердилась мать, отшлепала меня тут же. Заплакал, но сейчас же понял.

Читать я страстно любил и читал все, что можно было достать.

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие, и мне хотелось, чтобы дома, люди и животные — все было тоже маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я мысленно высоко прыгал, взбирался, как кошка, на шести по веревкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести...

Любил лазить на заборы, крыши и деревья... Прыгал с забора, чтобы полетать... Любил бегать и играть в мяч, лапту, городки, жмурки и проч[ее].

Запускал змеи и отправлял на высоту по нитке коробочку с тараканом...

На дворе у нас во время дождей и осенью была огромнейшая лужа. И вода и лед приводили меня в мечтательное настроение.

Пробовали плавать в корыте и делать зимой коньки. Их я делал, но расшибался на льду так, что искры из глаз сыпались. Наконец, откуда-то достали испорченные настоящие коньки. Поправили их. Кататься выучился в один день. Даже съездил на них в тот же день за чем-то в аптеку...

Запомнилась сцена. Мать стоит на табуретке у окошка и что-то делает с рамой. Отец тут же. Мать кричит: «Проклятый поляк!» Отец молчит. Решили разехаться. Через час мать просит у отца прощения на коленях. Примирились... Вот единственная ссора отца с матерью. Больше я никогда не видел между родителями никаких ссор и ругани. Очень был сдержан отец, мать же — горяча. Но характер у отца был тяжелый. Это мне говорила сама мать. В его присутствии все чувствовал себя неловко — даже мы, дети.

ПРОБЛЕСКИ СОЗНАНИЯ

Еще 11 лет в Р.¹ мне нравилось делать кукольные коньки, домики, санки, часы с гирями и проч[ее]. Все это было из бумаги и картона и соединялось сургучом. Наклонность к мастерству и художеству сказалась рано. У старших братьев она была еще сильнее.

К 10—14 годам потребность к строительству проявилась у меня в высшей категории. Я делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружины. Сталь я выдерживал из кринолинов, которые покупал на толкучке. Особенно изумлялась тетка и ставила меня в пример братьям. Я также увлекался фокусами и делал столики и коробки, в которых вещи то появлялись, то исчезали.

Увидал однажды токарный станок. Стал делать собственный. Сделал и точил на нем дерево, хотя знакомые отца и говорили, что из этого ничего не выйдет. Делал множество разного рода ветряных мельниц. Затем коляску с мельницей, которая ходила против ветра и по всякому направлению. Тут даже отец был тронут и возмечтал о мне. После этого последовал музыкальный инструмент с одной струной, клавиатурой и коротким смычком, быстро движущимся по струне. Он приводился в движение колесами, а колеса — педалью. Хотел даже сделать большую ветряную коляску для катания по образцу модели и даже начал, но скоро бросил, поняв малосильность ветра.

Все это были игрушки, производившиеся самостоятельно, незави-

симо от чтения научных и технических книг.

Проблески серьезного умственного сознания проявились при чтении. Лет 14-ти я задумал почитать арифметику, и мне показалось все там совершенно ясным и понятным. С этого времени я понял, что книги — вещь немудреная и вполне мне доступная. Я разбирал с любопытством и пониманием несколько отцовских книг по естественным и математическим наукам (отец был без году неделя преподавателем этих наук). И вот меня увлекает астролябия, измерение расстояния до недоступных предметов, снятие планов, определение высот. Я устраиваю высотомер. С помощью астролябии, не выходя из дома, я определяю расстояние до пожарной каланчи. Нахожу — 400 аршин. Иду и проверяю. Оказывается, верно. Так я поверил теоретическому знанию.

Чтение физики толкнуло меня на устройство других приборов: автомобиля, движущегося струею пара, и бумажного аэростата с водородом, который не удался. Далее я составлял проект машины с крыльями.

В МОСКВЕ

Отец вообразил, что у меня технические способности, и меня отправили в Москву. Но что я мог там сделать со своей глухотой? Какие связи завязать? Без знания жизни я был как слепой в отношении карьеры и заработка. Я получал из дома 10—15 руб[лей] в месяц. Питался одним черным хлебом, не видал даже картошки и чаю. Зато покупал книги, трубки, реторты, ртуть, серную кислоту и проч[ее].

Тетка сама навязала мне уймучулок. Я решил, что можно отлично ходить и без чулок. Продав их за бесценок и купил на полученные деньги спирту, цинку, серной кислоты, ртути и проч[его]. Благодаря главным образом кислотам я ходил в штанах с желтыми пятнами и дырами. Мальчики на улице замечали мне: «Что это, мыши, что ли, изъели ваши брюки?» Ходил я с длинными волосами просто оттого, что некогда было стричь волосы. Смешон был, должно быть, страшно. Я был все же счастлив, и черный хлеб меня нисколько не огорчал.

В Москве я проходил первый год тщательно и систематически курс начальной математики и физики. На второй же год занялся высшей математикой. Прочел курсы высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию,

¹ Рязани (ред.).

Продолжение на стр. 10

Печатается с небольшими сокращениями.

ЦИОЛКОВСКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

Начало на стр. 4.

сферическую тригонометрию и проч[ее]. Но меня страшно занимали разные вопросы, и я старался сейчас же применять приобретенные знания к решению этих вопросов. Так я почти самостоятельно проходил аналитическую механику. Вот, например, вопросы, которые меня занимали.

1. Нельзя ли воспользоваться энергией движения Земли? Решение было правильное — отрицательное.

2. Какую форму принимают поверхности жидкости в сосуде, вращающемся вокруг отвесной оси? Ответ верный: поверхность параболоида вращения. А так как телескопические зеркала имеют такую форму, то я мечтал устраивать гигантские телескопы с такими подвижными зеркалами.

3. Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором не было бы тяжести от центробежной силы?

4. Нельзя ли строить металлические аэростаты, не пропускающие газа и вечно носящиеся в воздухе?

5. Нельзя ли использовать в паровых машинах высокого давления мятый пар?

6. Нельзя ли применить центробежную силу к поднятию в атмосферу, в небесные пространства?

И я придумал такую машину. Она состояла из закрытой камеры или ящика, в котором вибрировали два перевернутых твердых эластических маятника, с шарами в верхних концах. Они описывали дуги, и центробежная сила шаров должна была поднимать кабину и нести ее в небесное пространство. Я был в таком восторге от этого «изобретения», что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час-два по Москве, размышляя и проверяя свое открытие. Но, увы, еще дорогой я понял, что заблуждаюсь: будет трясение машины, и только. Ни на один грамм ее вес не уменьшится. Однако небольшой восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием...

Были у меня в Москве и случайные знакомые. Так, в Публичной библиотеке («Чертковской») мною заинтересовался кончающий по математическому факультету студент Б. Он два раза был у меня и посоветовал прочесть Шекспира. Шекспир тогда мне очень понравился, но когда я, уже стариком, вздумал его перечитывать, то бросил, как непродуманный труд. Читая книги, я увлекался в Москве прежде всего точными науками. Всякой неопределенности и «философии» я избегал.

Известный публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе «Я». Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки... Все же это один из самых уважаемых мною моих учителей.

В беллетристике наибольшее впечатление произвел на меня Тургенев и в особенности его

«Отцы и дети». (На старости и это я потом переоценил и понизил.)

В библиотеке много читал Араго. Кстати, в Публичной библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо — зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой библиотекарь сейчас же сурово будил. Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров — друг Толстого, изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое жалованье беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился. Потом я еще узнал, что он был некоторое время учителем в Б.¹, где служил много позднее и я. Помню благообразного брюнета, среднего роста, с лысиной, но довольно прилично одетого. Федоров был «незаконный» сын какого-то вельможи и крепостной. По своей скромности он не хотел печатать свои труды, несмотря на полную к тому возможность и уговоры друзей. Получил образование он в лицее.

* * *

...В Р[язани] я побывал в местах, где прежде жил. Все показалось очень маленьким, жалким, загрязненным. Знакомые — приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное разочарование от старых мест.

Я еще не был учителем (в 1878 г.), когда меня притянули к исполнению недавно введенной всеобщей воинской повинности (в 1871 г.). Я понимал, что против рожна трудно пойти. Никто не догадался меня проводить в воинское присутствие. Благодаря глухоте получился неизбежный ряд комических сцен.

Раздели догола, унтер держал рубашку. Грудь не вышла. Заявил о глухоте: «Воздух продувался сквозь барабанные перепонки». Послушал доктор, как шумит в ухе воздух при продувании.

Не помню хорошо, освободили ли меня сразу, или отложили на год. Помню только, что губернатор остался недоволен приемной комиссией и захотел всех освобожденных переосвидетельствовать.

Он спросил меня: «Чем занимаетесь?» Мой ответ: «математикой» — возбудил ироническое пожимание плеч. Все же мою негодность подтвердил.

На следующий год я сдавал экзамен на учителя, так как в Р[язани] не имел уроков и жил оставшимся скудным запасом денег. В это время я занимал комнату у служащего Шапкина. Это был ранее сосланный в Сибирь поляк, теперь освобожденный.

На экзамен я боялся опоздать. Спрашиваю сторожа: «Экзамену ют?». Насмешливый ответ: «Только вас дожидаются».

Первый устный экзамен был по закону божию. Растерялся и не мог выговорить ни одного слова. Увели и посадили в стороне на диванчик. Через 5 минут пришел в

себя и отвечал без запинки. В дальнейшем этой растерянности уже не было. Главное, глухота меня стесняла. Совестно было отвечать невпопад и переспрашивать тоже. Письменный экзамен был в комнате директора и в его единоличном присутствии. Через несколько минут я написал сочинение, ввернув доказательства совершенно новые. Подую директору. Его вопрос: «Это черновая?» «Нет, — отвечаю, — беловая!» Удивился и заметил: «Скоро напишались!»

Хорошо, что попался мыслящий молодой экзаменатор. Он понял меня и поставил хороший балл, не сделал ни одного замечания. Ответок их я не видал. Знаю только, что меньше «4» получить на экзамене было нельзя. Так сошли и другие экзамены.

Пробный урок давался в перемену, без учеников. Выслушивал один математик.

Отец был очень доволен. Решили помочь мне в снаряжении на предполагаемое место. На экзамене я был в серой заплатанной блузе. Пальто и проч[ее] — все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось. Сшили вицмундир, брюки и жилет, всего за 25 рублей. (Все сорок лет я больше мундира не шил; кокарды и орденов никогда не носил. Ходил в чем придется. Крахмаленых воротников не употреблял). Сшили и дешевое пальто за 7 рублей. Пришили к шапке наушники, и все было готово. Истраченное я потом возвратил отцу, который, должно быть, на это немного обиделся.

Был у меня еще коротенький полушубок (куплен за 2 рубля). Под пальто, без ваты, он очень пригодился зимой.

Однако, несмотря на прошение, назначен я был на место только месяца через четыре.

Этот промежуток ожидания я провел в деревне у помещика М., занимаясь с его малыми детьми — учил грамоте.

Педагогия была для меня забавой. Главным же образом я погружался в законы тяготения тел разной формы и в те движения, которые вызывали относительную тяжесть. Лет через 30 я послал остатки этих вычислений и чертежей известному Перельману как биографический документ. Он упоминал о нем в своей книге обо мне (1932 года).

Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал о своих работах и о дирижабле. Меня предупреждали, что тут много волков, указывали на следы и даже на перья растерзанных кур. Но мне как-то не приходила мысль об опасности, и я продолжал свои прогулки.

Наконец после рождества (1880 г.) я получил известие о назначении меня на должность учителя арифметики и геометрии в Б[оровск]ое уездное училище.

Надел свои наушники, полушубок, пальто, валенки и отправился в путь.

В городе Б[оровске] остановился в номерах. Потом стал искать квартиру. Город был раскольнический. Пускали неохотно щепотников и табашников, хотя я не был ни тем, ни другим (я никогда не курил). Дома стояли пустые, и все же не пускали.

В одном месте приняли в огромный бельэтаж. Взял одну ком-

нату и в первую же ночь страшно угорел. Бельэтаж отдали под свадьбу, меня же переселили в темную каморку, что мне не понравилось. Стал искать другую квартиру. По указанию жителей попал на хлеба к одному вдовцу с дочерью, жившему на окраине города, близости реки. Дали две комнаты и стол из супа и каши. Я был доволен и жил тут долго. Хозяин — человек прекрасный, но жестоко выпивал.

...В день венчания я купил у соседа токарный станок и резал стекла для электрических машин. Я очень увлекался натуральной философией. Доказывал товарищам, что Христос был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: «Понимающий меня может делать то же, что я, и даже больше». Главное не его заклания, лечение и «чудеса», а его философия.

Донесли в Калугу директору. Директор вызывает к себе для объяснений. Занял денги, поехал. Начальник оказался на даче. Отправился на дачу. Вышел добродушный старичок и попросил меня подождать, пока он выкупается. «Возница не хочет ждать», — сказал я. Омрачился директор, и между нами произошел такой диалог:

— Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

— Куда же вы деваете свое жалованье?

— Я большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

— Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

— Правда, но ведь это есть в евангелии Ивана.

— Вздор, такого текста нет и быть не может!! Имеете ли вы состояние?

— Ничего не имею.

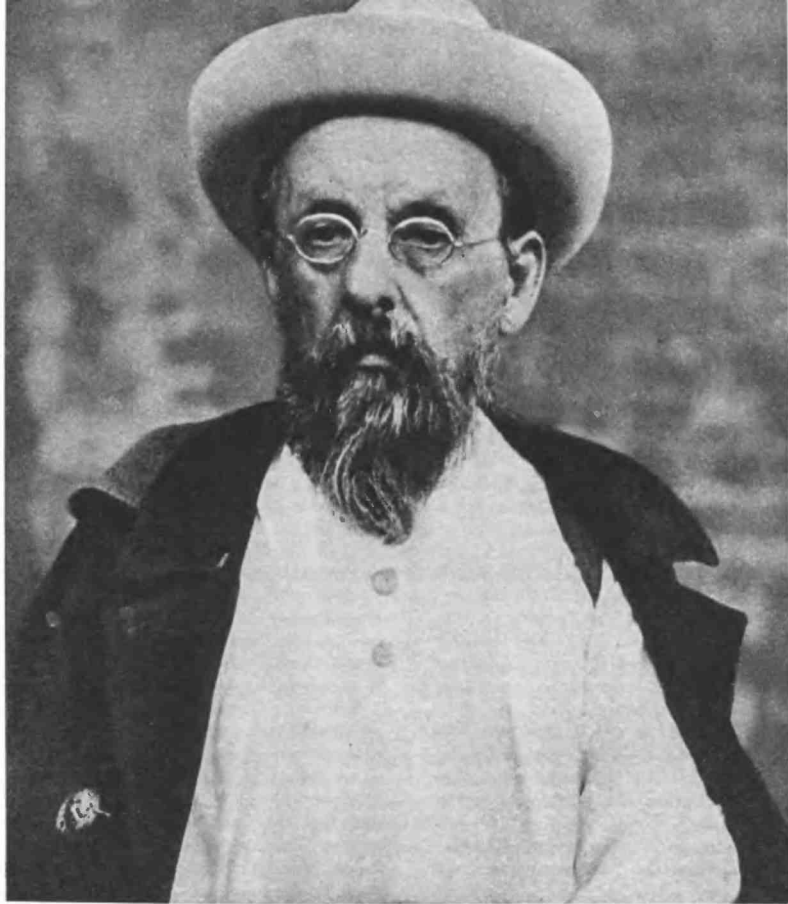
— Как же вы, нищий, решаетесь говорить такие вещи!..

Я должен был обещать не повторять моих «ошибок» и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода, по моему незнанию жизни, никакого другого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться. Итак, я возвратился к своим физическим забавам и к серьезным математическим работам. У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куклы, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударом. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом, выскакивали искры из всякой части тела. Кошка и насекомые также не избегали моих экспериментов.

Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравнивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, подымаясь и опускаясь.

Окончание следует.

¹ Боровск, Калужской губернии (ред.).

К. Э. Циолковский. Редкий снимок начала 1920-х годов.
Фото инженера В. В. Асонова.

В то же время [я] разработал совершенно самостоятельно теорию газов. У меня был университетский курс физики Петрушевского, но там были только намеки на кинетическую теорию газов, и вся она рекомендовалась, как гипотеза сомнительная.

Послал я свою работу в столичное «физико-химическое» общество. Единственно был избран его членом. Но я не поблагодарил и ничего на это не ответил (наивная дикость и неопытность).

Ломал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах.

Река была близко, но на плоскодонке плавать было противно, а иных лодок у нас не было.

Я придумал особую быстроходную лодку. Катался на ней с женой, которая сидела у руля и правила. Знакомый столяр даже выиграл через нее партию у богатого купца, который говорил, что я лодку сделать не сумею. Но когда я проехал на ней мимо его окон, то купцу пришлось заплатить проигрыш. Потом я делал такие же лодки на 15 человек. Нашлись и подражатели. С помощью своей лодки забрасывал верши.

Моя лодка была с поверхностью вращения, которая в сечении имела синусовидную кривую. Доски плотно смыкались проникающей их проволокой. Много катался и с парусом. Наезжали на острые сваи, но ни разу не опрокидыва-

лись. Все же лодка была очень валкая, особенно первая—маленькая. Вот трагическое происшествие. Тесть нарядился и собрался в гости. Надо было перевезти его на другой берег. Предупреждал, чтобы не хватался за борта лодки. Лодка заколебалась, он испугался, схватился за края и сейчас же кувырнулся в воду. Я стою на берегу, помираю со смеху, а он барахтается в холодной весенней воде в своем наряде и во всю мочь ругается. Вылез и не простудился. Такое же горе было и с другими. Лодку называли душегубкой... Больше лодки не были валки...

Ребята вытаскивали причальный кол и катали на лодке друг друга. Приходишь к берегу—нет лодки, а лежит какая-то черная рыба, высунув спину. Эта была моя перевернутая «душегубка», не загубившая, впрочем, ни одной души.

Зимой с знакомыми катался по реке на коньках. Был такой случай. Вода только что замерзла, и лед был тонкий. Поехали на коньках втроем. Я впереди. Говорю товарищам: «Первый провалюсь я, а вы катитесь тогда назад». Лед подо мной трещал, показалась вода. Я скорей повалился и лежа пополз назад. Так спасся. Что это, отважность или безумие? Я думаю, что и то и другое. Приятели усаkali в деревню за помощью, но я выкарабкался без нее. Сколько раз в бурю я мчался по льду силою ветра! Это было восхитительно!..

Всегда я что-нибудь затевал. Вздумал я сделать сани с колесом. Все сидели и качали рычаги. Сани должны были мчаться по льду. Все было закончено, но ис-

питание машины почему-то не состоялось. Вероятно, я усомнился в ее целесообразности.

Потом я заменил это сооружение особым парусным креслом. По реке ездили крестьяне. Лошади пугались мчащегося паруса, возники ругались матерным глазом. Но я долго об этом не догадывался. Потом уж, завидя лошадь, заранее поспешно снимал парус.

Катался на коньках, пока был чистый лед. Попадал в прорубь, но река у берега была мелкая.

Однажды сильно замочился, а мороз был трескучий. С пальто текло, и образовалось множество сосулек. Шел по улице, а сосульки, ударяясь друг о друга, звонили, как колокольчики первосвященника. Ничего, проходило безнаказанно.

Реку любил. Каждый день в хорошую погоду ездил с женой кататься, жена правила рулем, я работал веслами. Потом пошли дети, и я ездил уже один или (редко) с кем-нибудь из товарищей. Осенью вода очищается от водорослей, которые падают на дно, и вода становится очень прозрачной. Видны все камешки, песок, растения и водное население.

По берегам, в недоступных местах, по обрывам, росла ежевика. Местность была красивая, летом река запружена, и катанье на протяжении 3—5 верст восхитительно...
* * *

Педагогический персонал был далеко не идеальный. Жалованье было маленькое, народ прижимистый, и уроки добывались не совсем чистой хитростью.

Я никого не угощал, не праздновал, сам никуда не ходил, и мне моего жалованья хватало. Одевались просто, в сущности, очень бедно, но мы и детьми в заплатах ходили.

Другое дело—мои товарищи. Это большею частью семинаристы, кончившие курс и выдержавшие особый экзамен на учителя. Им не хотелось поступать в попы. Они привыкли к лучшей жизни: к гостям, праздникам, суете и выпивке. Им не хватало жалованья. Брели взятки, продавали учительские дипломы народным учителям. Я ничего не знал по своей глухоте и никакого участия в этих скромных вакханалиях не принимал. Но все же по мере возможности препятствовал нечестным поступкам. Мечта товарищей—сбить меня с рук, что и совершилось со временем.

Сам я всегда отказывался от уроков с учениками, а другие редко попадались. Несколько лет подряд я немного зарабатывал у предводителя дворянства, занимаясь с его детьми то русским, то математикой.

Несмотря на глухоту, мне нравилось учительство. Большую часть времени с учениками отдавал решению задач. Это лучше возбуждало мозги и самостоятельность и не так было для детей скучно.

ОКОНЧАНИЕ. См. «Огонек» № 37.

К. Э. ЦИОЛКОВ

С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии.

Я своими руками сделал две жестяных астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей, и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле. Впрочем, больше было веселости и шалостей, чем дела.

Через Т. я познакомился с другим домом. Тут я давал урок одной девице. В этой семье я встретил очень молодую замужнюю женщину, в которую, после отъезда Т., и влюбился без ума. Ее семья заменила мне семью Т. Разумеется, она никогда не узнала о моих чувствах. Я только раз ее поцеловал под предлогом христосования.

— Можно с вами похристосоваться?

— Можно...

Я едва коснулся ее губ.

— Что же вы не сказали: «Воистину воскрес!» — заметил муж.

...[Моя] жена была спокойна, и мы жили мирно. Я иногда помогал ей по хозяйству, даже шил ей рубашки на машине. Теперь уже забыл про это, но она недавно мне напомнила. Были и маленькие сцены и ссоры, но я сознавал себя ВСЕГДА виновным, просил прощения. Так мир восстанавливался. Преобладали все же работы. Я писал, вычислял, паял, стругал, плавил и проч[ее]. Делал хорошие поршневые воздушные насосы, паровые машины и разные опыты. Приходил гость и просил показать паровую машину. Я соглашался, но только предлагал гостю наколоть лучины для отопления паровика.

Летом я еще нашел забаву для учеников. Сделал огромный шар из бумаги. Спирту не было. Поэтому внизу шара была сетка из тонкой проволоки, на которую я клал несколько горящих лучинок. Монгольфьер, имеющий иногда причудливую форму, подымался, насколько позволяла привязанная к нему нитка. Но однажды нитка нечаянно внизу перегорела, и шар мой умчался в город, роняя искры и горящую лучину.

Шар попал на крышу к сапожнику. Сапожник заарестовал шар. Хотели привлечь к ответственности. Потом уже я свой монгольфьер только подогревал, огонь же устранил, и шар летел без огня. Поэтому скоро опускался. Ребята гнались за ним и приносили обратно, чтобы снова пустить на воздух.

32—33 лет я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластинку неверен. Пришел и к другим, не известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец, страшно заку-

жилась голова, и я скорей побежал кататься на коньках.

Написанная рукопись и сейчас у меня цела. Потом часть ее была издана в журнале при содействии профессора А. Г. Столетова.

...С самого приезда в Б[оровск] я занимался усердно теорией дирижабля. Работал и на каникулярных уроках. Праздников у меня не было. Как и теперь — пока здоров и не оставили силы — я работаю.

Еще в 87 году я познакомился с Голубицким. У него гостила известная София Ковалевская (женщина-профессор в Швеции). Он приехал в Б[оровск], чтобы вести меня к Ковалевской, которая желала со мной познакомиться. Мое убожество и происходящая от этого дикость помешала мне в этом.

Голубицкий предложил мне съездить в Москву к Столетову (известному физику) и сделать доклад о своем дирижабле. Поехал, плутал по городу, наконец попал к профессору. Оттуда поехали делать сообщение в Политехнический музей. Читать рукопись не пришлось. Я только кратко объяснил сущность. Никто не возражал.

Хотели меня устроить в Москве, но не устроили. Попал же я в Калугу...

В Б[оровске] я жил на окраине, и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сделали мосты из стульев и кроватей и по ним передвигались. Лдины звенели о железные болты и ставни. Лодки подъезжали к окнам, но спастись мы не захотели.

В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля...

Однажды я поздно возвращался от знакомого. Это было накануне солнечного затмения, в 1887 году. На улице был колодезь. У него что-то блестело. Подхожу и вижу в первый раз ярко светящиеся гнилушки. Набрал их полный подол и пошел домой. Раздробил гнилушки на кусочки и разбросал их по комнате. В темноте было впечатление звездного неба. Позвал кого можно, и любовались. Утром должно быть затмение. Оно и было, но случился дождь. Ищу зонтик, чтобы выйти на улицу. Зонта нет. Потом уж вспомнил, что зонт оставил у колодца. Так и пропал мой новенький, только что купленный зонтик, за что получил гнилушки и «звездное небо».

...Если я не читал и не писал, то ходил. Всегда был на ногах.

Примерно со времени женитьбы, когда не был занят, особенно во время прогулок, я всегда пел. И пел не песни, а как птица, без слов. Пел и утром и ночью. Это было отдыхом для мысли. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день пою и утром и перед ночью, перед сном, хотя уже и голос охрип и мелодии стали однообразней. Ни для кого я этого не делаю, и никто меня не слы-

шал. Я это делаю сам для себя. Неясные мысли и ощущения вызывали звуки. Помнится, певческое настроение появилось у меня с 19 лет. Однажды всю ночь я тихоно припевал. На другой день отец и говорит мне: «Однако ты всю ночь просвистал...» Это вышло случайно, ночью же я всегда хорошо сплю.

В Москве мне пришлось познакомиться с известным педагогом Малининым. Его учебник я считал превосходным и очень ему обязан. Говорил с ним о дирижабле. Но он сказал: «Вот такой-то математик доказал, что аэростат не может бороться с ветром...» Возражать было бесполезно, так как авторитет мой был незначителен. Вскоре умер и он и Столетов.

В КАЛУГЕ

Тут я сошелся с семьей Ас.¹, а потом Кан.²

Семья Ас. была видная в городе. Ас. помог мне связаться с Нижегородским (ныне Горьковским) кружком любителей физики, председателем которого был Щербатов, недавно умерший в Калуге. Я стал печатать свои работы о Солнце, о летательных приборах и другие в журналах: «Наука и жизнь», «Научное обозрение», «Вестник опытной физики», «Вокруг света» и проч.

Производил много опытов по сопротивлению воздуха и воды. Приборы устраивал сам — сначала маленькие, потом большие, которые занимали почти всю квартиру. Бывало, запрещаешь на крючок, чтобы не отрывали и не нарушали правильности воздушных течений. Стучится почтальон, а открыть дверь нельзя до окончания наблюдения. Письмоносец слышит мерный звон метронома и счет 15, 14, 15, 15, 14 и т. д. Наконец, открывают дверь возвращающему почтальону. Одна родственница, увидавши в квартире чудовище (аппарат), сказала моей жене: «Когда он уберет этого черта?!» Один бабюшка заметил, что «загажен святой угол».

Тела разной формы клеились из толстой рисовальной бумаги. Но нужны были иногда для этого тяжелые деревянные болванки. Их приготавливал для меня покойный преподаватель железнодорожного училища инж. Л. Никогда не забуду этой бескорыстной услуги!

...Меня тянуло к реке. Выстроили двойную лодку моей системы. Работал главным образом я. Лодка имела кабину и большое гребное колесо. Все сидящие на лавочке могли вращать это колесо, сидя удобно в тени и в защите от дождя и ветра! Лодка годилась даже для танцев — так была устойчива (двойняшка) — и легко шла против течения. Были частые и интересные прогулки. Фотография

¹ В. И. Асонов — математик, работал податным инспектором. Любил науку и искусство.

² П. П. Каннинг — после окончания Московского университета был владельцем маленькой аптеки в Калуге. Увлекался физикой и воздухоплаванием.

с нее, кажется, хранится у одного из местных педагогов.

Дети мои учились в средних школах. Все три дочери окончили гимназию. Старшая была на высших курсах. Мальчики учились особенно хорошо, кроме большого от рождения Вани. Он все же прошел бухгалтерские курсы. Один сын умер студентом, другой не вынес столичной нужды, сдал экзамен, как я, и был учителем высшего начального училища. Теперь остались только две дочери, которые и живут при мне, в одном доме. Шесть внучат при мне, седьмой в Смоленске при отце, но он тоже почти все время жил у меня.

В городском саду летом часто была музыка, и я с увлечением не пропускал ни одного концерта. Становился у самого павильона и так только улавливал все нюансы. Музыкальный слух у меня был, и я, что бы ни слышал, через некоторое время воспроизводил своим птичьим пением. Но возникали и самостоятельные мотивы, благодаря настроению. Я помню, что после чтения «Борьбы миров» Уэллса у меня возник никогда не слышанный мною мотив, соответствующий гибели человечества и полной безнадежности.

Свои занятия электрические я продолжал, присоединив к статическому электричеству гальваническое. Делал машины всех систем, кончая самой сложной — индуктивной с двумя вращающимися колесами. Главное угощение моим немногим знакомым состояло в электрическом представлении. Теперь я сократил свое личное знакомство и принимаю только по делу или ради научной беседы. Обывательской болтовни для времяпрепровождения теперь совершенно не выношу.

В 1897 году мне дали уроки математики в казенном реальном училище. Там были недовольны тем, что у меня не вышло ни одной годовой «двойки». Приехал новый директор и отобрал у меня уроки для себя.

В это время я сильно утомлялся. Из своего училища шел в реальное училище, оттуда — в третье училище точить свои болванки для моделей. Другому бы ничего, а я со своим слабым здоровьем не вынес — заболел воспалением брюшины. Не лечился (я вообще не помню, чтобы когда-либо лечился). Думал, что помру. Тут я в первый раз узнал, что такое обморок. Во время приступа ужасных болей потерял сознание. Жена испугалась и стала звать на помощь, а я очнулся и, как ни в чем не бывало, спрашиваю: «Чего ты орешь?» Тогда она мне все объяснила, и я узнал, что пробыл некоторое время в «небытии».

По близости моей квартиры был Загородный сад. Я часто ходил туда думать или отдыхать — и зимой и летом. Встретил там знакомого велосипедиста. Он предложил мне поучиться ездить на велосипеде. Попробовал, но безуспешно — падаю. Тогда я заявил: «Нет, никогда я не выучусь ка-

СКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

таться на двухколеске». На другой год (в 1902 г.) купил старый велосипед и в два дня научился. Было мне 45 лет. Теперь можно отпраздновать 30-летие моей езды на велосипеде. Выучились и все мои дети, даже девушки.

* * *

...Революцию все встретили радостно. Надеялись на конец войны, на свободы.

Я относился, по моим годам, сдержанно и ни разу не надевал красных ленточек. Поэтому в одном училище (где я также давал уроки) вообразили, что я ретроград. Но я им показал книгу, изданную мною при царе, чисто коммунистического направления. В епархиальном же училище на меня давно косились, теперь в особенности, и называли большевиком. Мое явное сочувствие революции очень не нравилось.

С Октябрьской революцией преобразовали школы, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право

на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала. Учреждена была в Москве Социалистическая (названа потом Коммунистическая) академия. Я заявил ей о себе и послал свою печатную автобиографию. Был избран членом. Но я не мог выполнить желание академии переехать в Москву. Поэтому через год должен был оставить академию. Вышел даже в отставку и совсем оставил учительскую деятельность. Получил академический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ, затем пенсию, которую и получаю до сих пор.

Но я не оставил своих работ, напротив, никогда так усердно и много не трудился, как после оставления училищ (в 1920 году).

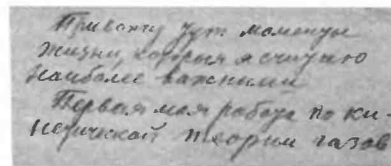
Меня особенно увлекали социалистические работы и натурфилософские.

Основанием моей естественной философии было полное отречение от рутины и познание вселенной, какое дает современная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку настоящего, но пока и современная наука — наи-

более почтенный и даже единственный источник философии.

Все предвзятые идеи и учения были выброшены из моего сознания, и я начал все снова — с естественных основ и математики. Единая вселенская наука о веществе, или материи, была базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеется, играла первенствующую роль, так как давала широкий кругозор. Не одни земные явления были материалами для выводов, а космические: все эти бесчисленные Солнца и планеты. Земные явления, несовершенство Земли и человечества, как результат младенческого их

возраста, вводили почти всех мыслителей в заблуждение.

Последняя страница автобиографии К. Э. Циолковского. В конце работы его рукой написано:

«Привожу тут моменты жизни, которая я считаю наиболее важными.

Первая моя работа по кинетической теории газов».

Если бы Константин Эдуардович Циолковский мог увидеть осуществление своих блистательных идей — спутники Земли, лунник, космические корабли, как бы радовалась душа мыслителя и мечтателя, математика и фантаста, жившего у серебряной Оки, в маленьком русском городе Калуге!

В Калуге стоит памятник Циолковскому. Ветер раздувает плащ за его спиной, взор устремлен вперед, и кажется, что Циолковский проникновенно и пронзительно всматривается в будущее. А рядом с ним блестит металлом ракета, и ее строгие очертания как бы подчеркивают реальность идей великого ученого в их свершении.

Нет, жив Циолковский и не умрет вовек!